

ВЛАДИМИР ЛОРЧЕНКОВ

ТАМ ГОРОД ЗОЛОТОЙ

ТОМ ВТОРОЙ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
Л78

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Лорченков, В.

Л78 Там город золотой. Том второй. — М.: Тотенбург, 2023. — 500 с.

Тетралогия «Там город золотой», история «молдавского Ма-кондо» — самое известное произведение русского писателя Владимира Лорченкова, — включает в себя четыре романа, написанных с 2001 по 2015 годы. Вы держите в руках второй том. «Все там будем» получил в 2009 году «Русскую премию» за лучшее произведение в мире, написанное на русском языке, роман переведен на английский, французский, немецкий, норвежский, фарси, китайский, итальянский, и др. языки мира. Это история деревни, которая, отчаявшись, провозглашает себя частью Европы. Получится ли у них? Финальная книга тетралогии, «Табор уходит», рассказывает о великом Исходе народа, так и не нашедшего своего места на этой земле.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6**

© Владимир Лорченков

© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ.	
ВСЕ ТАМ БУДЕМ.....	5
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ.	
ТАБОР УХОДИТ.....	157

КНИГА ТРЕТЯ

ВСЕ ТАМ БУДЕМ

«Все мы немного ассирийцы»...

Джон Йоссариан

...«И чуть-чуть молдаване»

Серафим Ботезату

— Так вот ты какая, наша Италия!!!

Серафим Ботезату зажмурился и часто-часто по-моргал. Но город, расползшийся под ним в низинах холмов, не исчезал. Дома, построенные из белого камня, были также ослепительны, как радость Серафима и его попутчиков. Они, сорок пять молдаван, стояли в маленькой роще на холме подле столицы столиц, самого Рима, и все никак не могли поверить в случившееся. Наконец-то они в Италии! Наконец-то жизнь стала ясной и простой. Как раньше. Как в детстве. Позади молдавское село Ларга. А значит, позади бедность, молдавская разруха, постылая земля, которую обрабатывай, не обрабатывай, а получишь все равно от кукурузы кочерыжку. Впереди — Рим! А значит, впереди необременительная работа на стройке какой-нибудь, — в сравнении с работой в поле все необременительно, — для мужчин, а для женщин — уборка дома богатого итальянца, за которого, глядишь, и замуж выскочить можно...

... Серафим оглянулся на попутчиков и едва не впал в грех гордыни. Ведь именно благодаря ему все они сумели ночью выбраться из какого-то болота в низине маленькой и грязной реки, где их оставили люди, переправлявшие молдаван в Италию.

— Все, дальше не едем, опасно! — сказал проводник, чернявый юноша, уж больно смахивающий на цыгана, что ларгачанам не очень-то понравилось. — Но если скинетесь по десять евро с носа, проведу до самых римских домов!

Люди отказались. За четыре дня пути до Италии проводник собрал с них, кроме тех четырех тысяч евро, что все заплатили за дорогу и работу на месте, по пятьсот евро, не меньше. По десятке за ночлег, по двадцатке за еду, по тридцать евро — за взятку словацкому полицейскому... Дальше дорогу сами найдем, решили люди! Тем более, что у них был Серафим! Все в Ларге знали, что Серафим Ботезату давно и безнадежно влюблен в Италию. Десятилетним мальчиком он случайно нашел в по-

луразрушенной сельской библиотеке альбом «Виды Рима» и с тех пор для общества пропал. Нашел где-то в районном центре самоучитель итальянского языка, читал все, что хоть как-то было связано со страной его мечты, Италией. Тогда, в восьмидесятых, это не поощрялось. И Серафима считали дурачком. Но знал ли кто тогда, что через каких-то двадцать лет тысячи и тысячи молдаван поедут работать в эту самую Италию? И Серафим, — над которым смеялись все, от сельских пастухов и их подопечных, до председателя колхоза, — станет главным авторитетом Ларги. Он старательно учил итальянский язык все двадцать лет, перебивался с хлеба на воду и все ждал, когда судьба забросит его в Рим. И вот, он возле города своей мечты: трепещет и даже чуть сожалеет, что все это случилось так быстро.

— Каких-то двадцать лет, — с огорчением бормочет Серафим, — всего двадцать...

Односельчане почтительно ждали. Единственным, кто знал итальянский, и, значит, от кого они все зависели, был Серафим. Именно он, слушая плеск воды, определил:

— Это река, неподалеку Рим, в Риме одна река, и называется она Тибр, следовательно, мы стоим на берегу Тибра!

Люди, пораженные размахом мысли Серафима, молча следили за его умозаключениями. Серафим, вспомнив примерно, как выглядел Рим на картах из журнала «Эхо планеты», что он выписывал, когда всесоюзная подписка еще существовала, вывел людей подальше от воды в рощу, и они стали ждать утра. Пока солнце не сняло покрывало с Рима и не явило им его, — заспанного красавца, — в полную статью. Правда, несмотря на то, что лица были восхищенные у всех, причины его были у людей разные. Серафим, например, уже заранее предвкушал посещение музеев, театров и просто бесцельную ходьбу по кривым улочкам Рима. Остальные рассматривали Рим исключительно утилитарно, как место, где им, наконец, улыбнется удача. И все они получают работу. Работать,

конечно, придется и Серафиму — четыре тысячи евро, собранные с таким большим трудом, нужно отработать. Но это было для него вторично... Так или иначе, но цель у них всех совпадала. Рим!

— Взгляните на город, — взволнованно воскликнул Серафим, — этот город построен на холмах! Величественная картина! Правда, я не вижу Колизея, да и базилики Святого Петра пока не видать, но город ведь настолько велик, что все сразу и не увидишь!

Жители Ларги, села трех километров в длину и четырех в поперечнике, восхищенно вздохнули.

— Серафим, — робко спросила одна из путешественниц, Родика Крецу, — а когда мы уже сможем спуститься в город? Я мечтаю умыться, переодеться и немножко полежать на кровати, а не на сырой земле...

Люди одобрительно зашелестели, как роща — осенней листвой. Все четверо суток автобус с сельчанами, — оформленными как две команды по керлингу и две — по подводному плаванию, — ехал только ночью. Днем водитель съезжал в придорожные кусты, тщательно маскировал машину кустарником, и сельчанам велели особо не шуметь и из автобуса не выходить. За четверо суток все они, как образно выразился Серафим, пережили еще одно турецкое иго. Многие даже жаловались, что стали меньше ростом. Но водитель был непреклонен и суров.

— Кто не хочет в Италию, — покрикивал он на недовольных, — выметайтесь из автобуса!

Никто не хотел не хотеть в Италию, и люди терпеливо продержались четверо суток. И оставаться на месте, пусть даже и в километре от заветной цели, больше им было не вмоготу. Серафим понимал их, ему и самому не вмоготу было. Ведь за то время, что они мучились в автобусе, им ни разу не довелось ни один итальянский город днем увидеть. Все только ночью, да ночью. Изредка автобус тормозили полицейские, и Серафим с замиранием сердца следил в окошко, прикрывшись одеялом, как проводник группы торгуется за право ехать дальше. Потом

проводник забегал в салон, зловещим шепотом называл сумму побора с каждого, брал деньги и выскакивал на дорожку, как ошпаренный. Денег никто не жалел. Крови бы своей не пожалели. Ведь Италия для сельчан была местом, прибыв куда, ты получал искупление прежних грехов и обретал новую жизнь. Так какая разница, сколько денег оставлять в старой, если впереди, — огромные заработки по семьсот, а то и девятьсот евро в месяц?! Если бы людям сказали совершить самоубийство, после которого их ждет Италия, они бы и это сделали. И в этом они были похожи, — подмечал начитанный Серафим, — на жителей Европы, ожидавших Апокалипсис в 1000 году.

— На все люди стали готовы, — с сожалением шептал Серафим, — совсем вызверились да отчаялись...

Но понимал, что люди, конечно, в этом не виноваты. Уж больно опостылела всем нынешняя жизнь в Молдавии. А на бунт молдаване никогда способны не были, вот и осталось им одно — бежать. Когда в Ларге объявились представители туристической фирмы, которая, по слухам, отправляла наших в Италию, возрадовались все. Отец Паисий, благообразный священник двух Митрополий, — Молдавской и Бессарабской, — отслужил по этому поводу в сельской церквушке благодарственный молебен. Собирался даже крестный ход провести, да погодные условия не позволили. Холодный град посек остатки поздних урожаев и, постепенно превратившись в ледяной дождь, сделал дороги жиже самого жидкого киселя.

— Обойдемся без крестного хода, батюшка! — взмолились представители турфирмы и, отстояв благодарственный молебен в свою честь, начали собрание в сельском клубе. — Кто желает работать в Италии?

В Ларге жили три тысячи сто двадцать три человека. Рук было поднято шесть тысяч двести сорок шесть. Это каждый, на всякий случай, чтоб и его записали, поднял по две руки.

— Сил наших нет! — прижал руки к груди бывший председатель Постолаки. — Пашем, как проклятые.

С утра до вечера в земле, как черви ползаем. А прибылей все нет, да нет! Денег по году не видим. Вру. Вчера по телевизору пятьдесят леев (три доллара — прим. авт.) видел. В программе «Лото-бинго». А так, чтобы в живую, нет. Опостытело здесь нам все! Как уехать? Что сделать?! Научите уму-разуму!

Дельцы одобрительно посмеялись, потеряли руки и стали учить селян уму-разуму. Во-первых, поездка в Италию, объяснили они, удовольствие не из дешевых. Стоит четыре тысячи евро....

После того, как фельдшер села напоила валерьянкой семерых человек, которым после оглашения суммы стало плохо, работорговцы продолжали. Сразу все уехать, по их словам, вряд ли смогут. Три тысячи человек это слишком большая партия. Поэтому вывозить сельчан предлагали небольшими партиями. По мере сбора денег. Где их найти, забота сельчан. Можно в долг взять, можно землю продать, в общем, каждый выкручивайся, как может.

— Но я бы на вашем месте, — объяснил человек в костюме, — ничего не боялся и не жалел. Что вам эта Молдавия, если вы уже практически — в Италии?!

— Ну, а ну как мы туда не попадем, а здесь станет лучше? — спросили из зала.

— Что ж, тогда, — парировал делец, — оставайтесь в Молдавии и дожидайтесь плана реализации ЕС-Молдавия и десятикратного уровня жизни, о котором вот уже шесть лет говорит ваш президент...

После того, как зал отсмеялся и устроил докладчику овацию, тот продолжил. Просто так молдаван на Запад не пускают. Значит, нужно ехать под видом спортивных команд. Пусть для начала первая партия из сорока-пятидесяти человек будет четырьмя командами. Две — по керлингу, две — по подводному плаванию. Плавать и стоять на льду, конечно, не нужно. Главное, документы!

... И документы сработали. Сорок пять подводных пловцов и нападающих керлинга из села Ларга и Серафим Ботезату, мечтавший об Италии всю жизнь, оказался

в своей мечте. Серафим чувствовал себя червем из яблока, попавшим в яблоко. Солнце поднялось над Римом еще выше и вновь ослепило его поющую душу. Серафим стал тихонько спускаться с холма, не оглядываясь. Он знал, что вся группа идет за ним. В уме Серафим тщательно повторял фразу, которую скажет первому попавшемуся итальянцу, после чего попросит отвести их к церкви. В итальянских церквях молдаван кормили и давали работу, он это знал. Спустившись с холма, Серафим пошел по асфальтовой дороге, не самого лучшего качества, конечно, но разве в промышленных районах города другие бывают? Впереди маячила спину работяги, не дождавшегося, видимо, нужной автобуса и решившего идти пешком.

— Добрый день, — пробормотал Серафим на довольно таки сносном итальянском, — уважаемый гражданин Италии, потомок римских цезарей и отважных берсальеров, добрый день! Я рад приветствовать вас от имени братского молдавского народа! Не подскажите ли вы, где здесь ближайшая церковь, и не сообщайте о нас полиции, пожалуйста! Благодарю вас! Миллионы комплиментов!

Он буквально физически почувствовал уважение односельчан, следовавших за ним. Работяга оглянулся и прибавил шаг. Наверное, испугался, подумал серафим, поняв, как двусмысленно все это выглядит. Одиноким римлянин, которого догоняет ватага небритых, дурно пахнущих, помятых молдаван. Тут испугаешься! Серафим побежал и, догнав итальянца, схватил его за руку, закричав:

— Уважаемый гражданин Италии, потомок римских цезарей и отважных берсальеров, добрый день! Не бойтесь! Я рад приветствовать вас от имени братского молдавского народа!

Римлянин затравленно глядел на окруживших его молдаван и молча пытался вырваться. Серафим улыбнулся как можно шире и попытался объяснить еще раз.

— Послушайте, потомок римских цезарей и отважных берсальеров! Я — представитель братского народа Молдавии. Мы приехали к вам в Италию выполнять чер-

ную работу, которую вы, итальянцы, делать не хотите. Так что мы вам не враги! Я рад приветствовать вас! Скажите, где здесь церковь?!

Итальянец вырвал руку, и, нахмурившись, стал ее потирать. Постепенно глаза его становились все осмысленней. Он попытался объяснить им что-то знаками.

— Что происходит, Серафим?! — широко улыбаясь, чтобы не напугать итальянца, спросил председатель Постолаки. — Ты что, плохо учил итальянский.

— Вроде бы, хорошо, — виновато оправдывался Серафим. — Но гарантировать что-то не могу. Не было языковой среды.

— Ты нам про среду давай, не начинай! — угрожающе начал Постолаки, не упускающий возможность плоско каламбурировать даже в гневе. — И про четверг, и пятницу!

Иностранец, следивший за их перепалкой с очень удивленным видом, сказал:

— Так вы что, молдаване? Сразу бы и сказали. Что голову морочите? Это что, «скрытая камера»?

— Так ты тоже молдаванин?! — обрадовался Постолаки. — Здорово встретить земляка!

— Ага, — не проявил радости земляк. — Ну, не то, чтобы это здесь было редкостью...

— Ну, — приобнял земляка за плечи Постолаки. — Показывай! Где здесь ближайшая церковь?

— Зачем вам? — тихо спросил совсем ошарашенный молдаванин.

— Как зачем? Работа и еда. Да ты не бойся. — по-своему понял колебания земляка Постолаки. — мы чужое место не займем! Идем, идем!

Ничего не соображающий земляк покорно пошел за Постолаки. А тот, от радости, что все так благополучно завершилось, взмахнул руками, набрал полную грудь воздуха и сказал:

— Так вот ты какая, наша Италия!!! Кстати, брат, где здесь этот ваш Колизей?!

Земляк, резко вырвавшись из объятий Постолаки, убежал в боковую улицу, крикнув «сумасшедшие». Председатель хотел было посетовать на то, что мы, молдаване, народ нечуткий и друг к другу злой, как увидел сползающего по стене дома Серафима. Тот опускался на асфальт, неотрывно глядя куда-то навверх. Постолаки глянул туда же, уже зная...

... Пока Постолаки всячески пытался разговорить случайно попавшегося им молдаванина, Серафим пытался понять, что не так в его итальянском языке. Все, вроде бы, изучал он по самоучителю. Правда, совершенно отчетливо и остро вспомнил Серафим, в книге, которую ему дали в районной библиотеке, не было титульной страницы. Таким образом, формально утверждать, что он выучил итальянский язык, — а не, к примеру, китайский, — Серафим не мог. И понимал это. С другой стороны... неужели вся жизнь его прошла даром?!

Серафим почувствовал, что у него накопилась масса вопросов, — он стоял, чуть покачиваясь вместе с ветром, — но ему, увы, некому было их задать. Ведь совета обычно спрашиваешь у знакомых тебе людей. А Серафим в этом городе не знал никого. Он вообще, — и сердце его заледенело, когда он это понял, — не знает, что это за город. Ведь надписи «Рим» он нигде не видел.... Ну, это уж полный бред и мания! Тем не менее, Серафим поднял голову и увидел в щели между двумя красивейшими облаками плакат. Плохо прикрепленный к столбу плакат, который хлопал из-за ветра.

Раз. Два. Хлоп. Хлоп. Серафим запрокинул голову и начал терять сознание. Перед этим он успел поймать удивленный взгляд председателя Постолаки. А еще перед этим Серафим успел увидеть... Именно увидеть, а не прочесть, надпись на плакате.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КИШИНЕВ!!!»

Мария собралась вешаться на акации во дворе. Мужу ее, Василию, было на это совершенно наплевать, потому что он был очень зол на Марию за те четыре тысячи евро, что она заплатила за дорогу до Рима и работу в Италию. И вина жены, говорил Василий, не в том, что повезли их в Италию аферисты.

— С кем не бывает, — хмурился Василий на сельских попойках, перекаывая во рту горошины мутного вина, — ну, попались обманщики. Повезли вас ночами по Молдавии. Ну, выбросили под Кишиневом. Согласен, Мария не виновата в этом. Но кто, если не она, буквально заразила нас этой идиотской, детской мечтой об Италии?

Ради этой мечты Василий продал старенький, но трактор, и сделал долгов на полторы тысячи. Супруги высчитали, что из Италии Мария будет присылать ежемесячно по триста евро. И за год они с долгами рассчитаются и трактор в хозяйство вернут.

— Трактор это обязательно! — погрозил пальцем жене Василий. — Я без него никуда!

Мария горько вздохнула. Она знала о необычайной привязанности Васи к трактору. Началось все в 1978 году, когда крестьянин Лунгу был направлен на курсы механизаторов. Познав мир и технику, — как сам говорил Василий, — он вернулся в село с трактором и огромным самомнением. Увы, когда Молдавия приобрела независимость и потеряла остатки зажиточности, нужда в тракторе Василия отпала. Денег на солярку у сельчан все равно не было, и обрабатывали землю как встарь. Руками. Но Лунгу, несмотря на уговоры жены, железного коня не отдавал и не продавал. Ровно до того дня 2001 года, когда обезумевшая от нищеты и желания вырваться Мария не убедила его временно продать трактор.

— А потом мы его выкупим! — торжественно пообещала она. — Верь мне!

К сожалению, сорок четыре подводных пловца и керлингиста из Ларги попали в руки аферистов. Те возили людей четверо суток по Молдавии, а потом сбросили их в пойме грязной реки Бык, — именно ее принял местный умник Серафим Ботезату за Тибр, — и были таковы. Узнав об этом и о том, что трактора ему не вернуть, Василий пришел в отчаяние. Когда Мария вернулась домой, он ее для порядку побил, а потом перестал с женой разговаривать. Мария, поняв, что уехать в Италию ей не удастся, — денег больше ниоткуда не предвиделось, — решила повеситься. Правда, не сама, а по совету мужа.

— Все равно, — рассудил Василий, — я тебе этого никогда не прощу. И буду лупить до конца дней твоих, женщина, как сидорову козу. А как, не дай Бог, пришибу под горячую руку? Грех на себя возьму. Так что лучше уж ты сама.

Слова эти в Марии проросли, как фасоль под красным солнцем в черной жирной земле по весне, всего за день.

— Я иду вешаться, Василий, — сдерживая слезы, сказала она мужу. — Жизнь наша это тьма. Устала я.

— На орех даже не вздумай залезть, — сказал, не отрывая глаз от карманной Библии, Василий. — Сниму и так избыю, что от побоев сдохнешь. Поломаешь нижние ветки, а там урожай самый большой.

— Я тогда на акации повешусь, — предложила Мария, — там и ветки крепче.

— Вот то совсем другое дело, — поджал губы Василий. — На акации вешайся. Хоть до второго пришествия.

Мария, зная доброе сердце мужа, пошла к акации, закрепила веревку и встала на табуретку под петлей. Из дому никто не выглядывал. За дверью схоронился, подумала она. И заметила, как и из соседских окон на нее глядят люди. Раз так, вытащат, успокоилась женщина и прыгнула. Сначала она покачивалась от прыжка, потом — из-за ветра.

Мария качалась на акации всю ночь и немножечко утра.

Василий Лунгу оказался единственным сельчанином Ларги, который не мечтал попасть в Италию.

— Нет ее, этой вашей Италии! — кричал он на сельских пьянках. — Кто-нибудь из вас ее видел?! А?! То-то же!

Единственным, кто мог возразить Лунгу, был священник Ларги, отец Паисий. Все доподлинно знали, что его супруга, матушка Елизавета, уехала в Италию еще в 1999 году, на те деньги, что батюшка заработал соборованиями, крестинами и отпеваниями. А поскольку местность возле Ларги была неплодородная и крестьяне бедными, все знали, что свой хлеб батюшка ел не даром. Нет, вовсе не даром!

— Целыми днями я, как проклятый, то дождь вызываю, то молебны закатываю за мешок гороха, — горько жаловался Паисий супруге, когда та звонила из Болоньи, где устроилась горничной. — Еле на еду зарабатываю себе и детишкам. А ты хоть бы денег прислала!

Первые несколько месяцев матушка Елизавета и в самом деле присылала супругу с тремя детишками по триста евро. Потом перестала. Через год прислала пятьдесят евро. И замолчала на год. Отец Паисий совсем измаялся и собрался было уже обращаться в Красный крест, или какую другую Организацию по Розыску Пропавших Матушек Села Ларги, да матушка Елизавета нашлась. Но как!

— Любимый, — говорила она в трубку, попыхивая папироской, — я совершенно определенно решила остаться здесь и связать свою судьбу с Адриано. Не ревнуй. Он настоящий мужчина и человек с большой буквы. Извини, но в Ларгу и в Молдавию я не вернусь. В эту дыру?! После Италии?! Кстати, я стала совершенно свободной женщиной. И устроилась на работу. Вернее, Адриано меня устроил. Куда?

Оказалось, бывшая матушка Елизавета стала секретарем Центра Современного Искусства и Атеизма. Извес-

тив об этом бывшего супруга, она повесила трубку. Отец Паисий проплакал всю ночь, а под утро все-таки уснул, и ему приснилась Елизавета в мини-юбке. Она облизывала губы и все подмигивала Паисию, и, вертя в руках папиросу, спрашивала: «Огоньку не найдется?». Когда Паисий развел руками, Елизавета испарилась, молвив с укоризной на прощание:

— Сам-то ты без огонька, а я, видишь, — баба с огоньком! Вот и оставайся сам в своей Ларге, олух царя небесного!

Проснулся Паисий разбитый и убежденный в том, что Италия все-таки существует. Ведь звонила же оттуда ему эта сука проклятая, дешевая проститутка, жирная корова, дура треклятая, змея подколодная, подлая изменница, его бывшая жена! А раз Италия есть, и Елизавета там, решил Паисий, то он просто обязан проклясть эту страну на очередной проповеди. Несомненно, Италия — средоточие порока!

— Страна, где живут порочные девки, — провозгласил он в церкви, — и их хахали, гнездо разврата, блудница Вавилонская! И я отлучаю от церкви всех, кто хочет в Италию!

Толпа, послушав проповедь, молча разошлась.

А отец Паисий весной стал собирать деньги и чемоданы для поездки в Италию.

* * *

Серафим проснулся от непонятного гула за околицей. Гудело не то чтобы очень громко, но как-то регулярно, настойчиво и угрожающе. Лениво приоткрыв глаз, Серафим с тоской оглядел выбеленный потолок комнаты. Дом. Его дом в селе Ларга. Каких-то две недели назад казалось, что больше он здесь никогда не проснется. И вот... Вздохнув, Серафим вынул ноги из теплой, — им с женой ее подарили на свадьбу, — перины и решительно прижал их к жесткому красному коврику

с петухами. Такими ковриками его жена, Марчика, до того, как сбежать в 1987 году с агитатором, читавшим лекции об атеизме, застелила буквально весь пол в доме. Уж больно нравился ей красный цвет. Посидев и привыкнув ступнями к прохладе, Серафим отвлекся от тяжелых мыслей и снова прислушался. Гул не пропадал. Звук был для села необычный. Но Серафим уже слышал нечто подобное, когда в Кишиневе проходил мимо республиканского стадиона.

— Серафим, сколько можно спать? — крикнул в открытое окно дед Тудор, живший по соседству бобылем. — Выходи на работу, бездельник ты этакий!

Серафим, деда Тудора любивший, — тот очень помог общением и советом в тяжкую пору ухода жены, — встал, откинул перину и вышел во двор. Похмельное солнце нетвердо пошатывалось по углам горизонта, высвечивая съезжившуюся от холодов землю. Скорчилась, словно младенец в утробе матери, подумал Серафим. И сжал зубы. Ведь детей у них с Марчикой так и не было...

— Плевать, — нехотя проговорил он под осуждающим взглядом деда Тудора, — и на работу, и на то, что вчера лишнего принял. Плевать, и все тут. Я все равно в Италию уеду. А здесь пускай все горит синим пламенем! Пусть рушится это хозяйство.

Дед продолжал с осуждением глядеть на Серафима, а тот, ежась плечами, ополаскивал лицо и тело промерзшей за ночь водой. Делать так его научил отец. Ставишь ведро с колодезной водой на ночь во дворе, и за ночь холод все микробы, всю гадость в ней убивает, да льдом стягивает, говорил батюшка. А то, что не замерзло, да на дно ведра не выпало, и есть — Живая вода. Умывайся такой, да полощи зубы, и пять раз по двадцать лет снесу им не будет. Пей ее, и в сердце твоём прорастут цветы, обливай ей тело, и оно зазеленеет и потянется вверх, словно рослый молодой тополь... Серафим встряхнулся и сплюнул, вспомнив гнилые зубы сорокалетнего отца, его согбенную спину и вечную самокрутку с ужасно дымли-

вым молдавским табаком. Правда, папенька всегда говорил, что его убила тяжелая работа на земле. И поэтому, учил он сына:

— Никогда не отдавай себя земле весь до остатка. Думай о том, как выбраться отсюда.

Вот Серафим и придумал. В Италию, в Италию. В страну, где на улицах всегда чисто, где люди доброжелательны и улыбчивы, где не тяжелой работой можно получить в месяц столько, сколько в Молдавии за три года на земле денег не сделаешь, где земля ароматная, словно приправы для их макарон, где море солоноватое, теплое и жгучее, как пот женщины, на которой лежишь, где...

— Пускай рушится, говоришь?! — осуждающе поджал губы дед Тудор. — Да оно, видно, послушалось тебя, твой хозяйство. Оно, видно, человеческим разумом смекает!

Серафим огляделся и невольно улыбнулся. Хозяйство и вправду выглядело, как после набега турок. Забор вокруг дома давно уже стал похож на челюсть отца Серафима: колышки где торчали, а где нет. И стыдливые попытки хозяина прикрыть бреши в заборе кустами, столь действенные летом, зимой терпели полное фиаско: листва облетела, и забор выглядел еще жалче. За домом, с той стороны, где был черный вход, росли неухоженные яблони. Маленький свинарник на трех-четыре хрюшек давно уж пустовал. Иногда Серафим, приходя домой пьяным и будучи не в состоянии попасть ключом в замок, ложился там и похрапывал, греясь полуистлевшей соломой, в которую когда-то зарывались свиньи. Серафиму казалось, что солома хранит тепло свинских тел, как его пуховое одеяло до сих пор сохраняет жар ляжек его распутной жены, Марчики. Но из-за странной слабости и неги, охватывающих его тело всякий раз, стоило ему прижаться к этой перине, выкинуть ее Серафим не решился. Обычно еще во дворе было полно, по колено! грязи, и Серафим в плохую погоду расхаживал по камням, которые разбросал там и сям возле дома.